

УДК: 316

М.И. ПУСТОВАЯ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРРАТИВОВ КУЛЬТУРЫ И ДИСКУРСОВ ФИЛОСОФИИ В ПОСТМОДЕРНЕ

Пустовая Мария Ивановна – руководитель службы вице-преьера Украины (г. Киев)

Постмодернизм, выступивший с широкой критикой традиционной философии, показал, как нарративы культуры и дискурсы философии формируют особенности нашего опыта и восприятия. В новом постмодернистском «тексте» происходит «вписывание» прежнего опыта в новый, потому и саму философию постмодерна можно рассматривать как некий пилотный проект, где отрабатываются новые технологии построения нарративов и дискурсов.

Ключевые слова: постмодернизм, нарратив, дискурс, текст, массовая культура, постпарадигматический порядок, деконструкция, идеология.

Постмодернізм, що виступив із широкою критикою традиційної філософії, показав, яким чином нарративи культури і дискурси філософії формують особливості нашого досвіду і сприйняття. У новому постмодерністському «тексті» відбувається вписання попереднього досвіду в новий, і саму філософію тоді можна розглядати як пілотний проект, де відпрацьовуються нові технології конструювання нарративів та створення дискурсів.

Ключові слова: постмодернізм, нарратив, дискурс, текст, масова культура, постпарадигматичний порядок, деконструкція, ідеологія.

Postmodernism in its deep critic of the traditional philosophy has shown the ways in which culture narratives and philosophic discourses form the peculiarities of our experience and mentality. In the new postmodern «text» there occurs «in-writing» of the former experience into a new one. Moreover, philosophy itself can be regarded as a pilot project where new technologies of constructing narratives and discourses are being tested.

Key words: postmodernism, narrative, discourse, text, mass culture, postparadigmatic order, deconstruction, ideology.

© М.И. Пустовая, 2013

Постановка проблемы. Актуальность исследования дискурсов и нарративов в трансформациях постмодерна обусловлена, с одной стороны, интеллектуальным воздействием постмодернизма как многозначного комплекса научных представлений на теорию гуманитарных наук конца XX – начала XXI в. в., а с другой – той критикой метанарративов, которая стала общим местом в трудах многих постмодернистов (М.Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.).

Анализ исследований и публикаций. Анализ исследований последних лет свидетельствует о признании процесса размывания старых категорий в сфере так называемой современной теории. В прошлом еще существовал самостоятельный язык философии – великие системы Сартра и феноменологии, работы Витгенштейна, философия языка. Сегодня мы все больше имеем дело просто с «теорией». Этот новый дискурс обычно связывается с французскими постмодернистами, и, как отмечается, он распространяется все шире и шире, знаменуя конец философии как таковой. Исследователи подчеркивают: сейчас мы проживаем наши жизни совершенно отличным образом по сравнению с тем, что человечество знало ранее. Наш «постсовременный» век имеет отчетливые характеристики: интенсивную плюрализацию, индивидуацию и ту множественность выбора, которая была невозможна в любой предшествующий период истории [4].

Поразительной чертой постмодерна, по мнению ученых, является то, что изменения ускоря-

ются все с большей интенсивностью, многообразно влияя на нашу жизнь. Мир вступил в постпарадигматическую фазу, где консенсуальные значения растворяются в плюрализме, авторитеты исчезли, «выборы» расширились, время и пространство изменили свой порядок, «природное» подверглось деконструкции и денатурализации. Быстрые социальные изменения стали нормальным условием жизни, запустив процессы, которые признали различия и относительность: потенциальный хаос, но огромные возможности. Новая постмодернистская культура, столь широко обсуждаемая ныне, по-прежнему ускоряется и расширяется. Попытки понять и объяснить ее предпринимались разными исследователями, представляющими как академические школы, так и более политизированные научные направления. Первые имеют своим основанием постструктуралистскую критику абсолютов, метанарративов, «проблема Архимеда» и т.п. (Ж.-Ф. Лакан, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко, Ю. Кристева и др.), вторые – в долгу у Франкфуртской школы, разделяя менее релятивистские, но более радикальные теории (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.).

Исследователи утверждают: характерной особенностью постмодерна является его многообразие, то, как он объединяет в одном дискурсивном «жанре» анализ обширного круга очень разных проблем: от экономических прогнозов и исследований рынка, критики культуры и искусства до «возрождения» религиозных культов, практик и терапий

[3, с. 10]. Ученые, как правило, не оспаривают то, что постмодернизм остался бы, возможно, «причудой» теоретиков-интеллектуалов, если бы не его «конституирующая» связь с совершенно новым социальным порядком постиндустриального общества. Две ключевые темы звучат сегодня в науках о человеке: «Мир никогда уже не будет таким, как прежде» и «Человек в мире никогда уже не будет таким, как прежде». По мнению З. Баумана, в настоящее время происходит перераспределение «сил плавления» современности, затрагивающее существующие институты, «конфигурации, констелляции, паттерны зависимости и взаимодействия», которые «были брошены в плавильный тигель, чтобы впоследствии преобразоваться и измениться». Это стадия «разрушения формы в истории все разрушающей современности» [1, с. 13]. В постсовременности паттерны и конфигурации больше не заданы, их слишком много, более того, сам их характер изменился. Постсовременность многозначна, но неизменной остается ее состояние дезинтеграции, хрупкости, уязвимости, «быстротечности существования» [1, с. 21.].

Фундаментальной идеологической задачей постмодернизма остается, как утверждают исследователи, координация новых форм практики и прежних социальных устоев с новыми формами экономического производства, глобального разделения труда; то новое взаимодействие культуры и экономики, которое Ф. Джеймсон назвал «культурной революцией» нашего времени [3, с.14].

Цель исследования. Анализ философских дискурсов постмодернизма, их роли в широких социальных процессах «конструирования истины и знания», взаимодействия с другими дискурсами и нарративами.

Изложение основного материала. Данное исследование взаимосвязи дискурсов и нарративов постмодерна показывает, что культура постмодерна, время «второй современности», дала беспрецедентную возможность своим актерам, свободным индивидам найти подходящую социальную нишу и обосноваться там, следуя правилам поведения, которые определены как справедливые и надлежащие для данной социальной локации. Но наша эра, «Эра модернизации современности», сломав старые социальные, философские, культурные, гендерные модели и паттерны, не предложила новые кодексы и правила, которые актеры могли бы выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии могли бы руководствоваться. Последнее означает, что теперь мы переходим из эры заранее заданных «референтных групп» в эпоху «универсального сравнения», в которой «цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения, то есть завершения жизни человека» [1, с.13].

Разделяя точку зрения многих исследователей, мы утверждаем, что постмодерн – это «время знака». Время, когда медиа-образы, виды и способы информации, «режимы сигнификации» и

эстетизация повседневной жизни стали главной чертой современного опыта. Сегодня эссенциальность заменяется функциональностью, главное «не быть», но «казаться». «Прекратите рассказывать, покажите!» – это лозунг культуры постмодерна, где на переднем плане – не авторитеты, но «примеры». Современное общество – это социальный перформанс, утверждают ученые, это общество «зрелищ и спектакля» [2, с. 176].

Постмодернистская культура (как и наука) не обитает теперь в университетах, но живет на улицах, в супермаркетах, театрах, журналах, газетах и рекламных агентствах. То, что известнейший культуролог В.Эггер называет «New York Times postmodernism», – это феноменологизированный постмодернизм повседневной жизни, проповедуемый послевоенным поколением образованных «белых воротничков», не доверяющих идеологиям и культивирующих свой собственный опыт, опосредованный масс-культурой. Как замечают теоретики, европейские интеллектуалы интегрированы в «установленную» поп-культуру, они не только пишут академические труды, но и публикуют статьи в газетах и журналах, тесно сотрудничая с поп-прессой [2, с. 176]. Постмодернистское общество, развиваясь в русле «пример – модель – стереотип», очень зависит от производства реальности «более истинной, чем истина», реальность смоделированной и стереотипной, ориентированной на средства массовой информации.

С другой стороны, массовая культура делает ответный шаг в сторону культуры элитарной. По определению, массовая культура всегда глубоко вторична, она оперирует простотой, «отработанной» культурной техникой. Так было всегда, но в конце XX в. изменился сам образ фундаментальной культуры. В качестве кинематографических примеров данного взаимодействия можно привести такие фильмы, нацеленные на массовую аудиторию, как «Матрица» Вачовски, «Бойцовский клуб» Д.Финчера, «Револьвер» Г.Риччи, «Атлас облаков» тех же Вачовски и т.д.

«Матрица» – один из культовых фильмов конца XX в., сочетание философской притчи, триллера и фантастической утопии. Фильм включает в себя самые актуальные темы второй половины XX в.: виртуальную реальность, текст, симуляцию, бессознательное, измененное состояние сознания, картину мира, пространство, время, сновидения и т.д.

Фильм содержит множество ссылок на киберпанк и хакерскую субкультуру, философские и религиозные (в особенности гностические) идеи. «Матрица» также активно использует мотивы «Алисы в Стране чудес» Л.Кэрролла, «Профессии» А.Азимова, романа А.Кларка «Город и звезды» и др. Главные герои фильма хакер Нео (потенциальный Христос), человек с прозрачным именем Морфеус и его помощница, чье имя еще более прозрачно, – Тринити. «Матрица» – генератор искусственной реальности, ложного мира. Задача Нео – спасти человечество, разрушив матрицу, чтобы человечество обрело реальный мир. Но прежде он должен поверить в то, что он сам есть Мессия, «Тот Самый» (The One). Что же де-

лает Морфеус, чтобы Нео познал матрицу? В первую очередь погружает его в пучину повторного переживания травмы рождения, в «динамику перинатальных матриц». Дальнейшие усилия направлены на разрывание с шизофреногенной матрицей, что представляет собой перевертывание Эдиповой истории, направление от Отца к Сыну. История Эдипа накладывается на евангельский текст. Как и в Евангелии, мать отвергается во имя отца, при этом Отец – скорее безумец, навещающий человечеству «сон золотой». Но поэтический образ «жизнь есть сон» приобретает здесь особый вес. Морфеус – не тот, кто навевает сон, но тот, кто объясняет, что кажущаяся реальность есть сон. Парадокс в том, что Морфеус призывает проснуться.

Все это элегантно запущено в массовый текст, в котором много сложных, серьезных модернистских интертекстуальных и неомифологических связей, перекипевших в котле фундаментальной культуры, но репрезентированных в дискурсе массовой культуры.

«Бойцовский клуб» Д. Финчера – также культовый американский кинофильм того же 1999 г., вызвавший в самом конце XX в. наибольший резонанс как вызов постиндустриальному потребительскому обществу западных «белых воротничков». По сути, это памятник дискурсам XX века: марксизму, сексу и наркотикам, фрейдовскому сверхчеловеку, смерти и т.д. Отмечается, что популярность фильма у молодежной аудитории связана с его дискурсом гипермаскулинности,

который вкупе с позитивным восприятием насилия и абсолютного подчинения старшим составляет важнейший компонент фашистской идеологии.

Падение «Башен-близнецов» 11 сентября 2001г., благодаря созвучию с финалом «Бойцовского клуба», вернуло его в центр внимания интеллектуалов. Следует заметить, что на этот аспект обратил внимание С.Жижек [5, с.254-255]. Имя Ницше упоминают многие, пишущие об этом фильме. Жижек в своем разборе фильма формулирует его урок словами из письма Ницше другу. Университет Южной Каролины издал даже книгу под названием «Ницше и философия «Бойцовского клуба» [6].

Выводы. Сегодня у фундаментальной и массовой культуры оказывается множество общих паттернов, приемов и ценностных ориентаций: психоанализ, мифология, виртуальная реальность и т.д., т.е. создается общий интертекст. В таком «прочтении» происходит вписывание прежнего опыта в новый, при этом само философствование обретает характер экспериментирования, саму философию можно рассматривать как некий «пилотный проект», где отрабатываются новые технологии мышления. Последнее, как представляется, еще одно свидетельство того, какие серьезные изменения происходят на наших глазах, изменения, которые, с одной стороны, отражают «ситуацию постмодерна», а с другой – придают ей легитимность.

Рецензент Шевцов С.В. – д.филос.н., проф.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Agger B. Cultural Studies as Critical Theory. – London: The Falmer Press, 1998. – 217p.
3. Jameson F. Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism. – London: Verso, 2009. – 438p.
4. Plummer K. Telling Sexual Stories: Power, Change and Social Worlds. – New York: Taylor and Francis Ltd., 1994. – 260p.
5. Revolution at the Gates: Zizek on Lenin, the 1917 Writings. – New York: Verso, 2004. – 345p.
6. Stephens J.P. Nietzsche and the Philosophy of Fight Club. – University of South Carolina, 2006. – 120p.